

**«ВСЕ ЗНАКОМЫЕ ПОПАДАЛИ К НАМ
НА АДМИРАЛЬСКУЮ»**
(Война, революция и эмиграция в домашней истории)

Виктор Голубинов

М-54 **Метрополия и диаспора:** две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века (Москва, 29–31 марта 2013 г.): Сб. докл. / Сост. И.Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. – 492 с.

ISBN 978-5-93015-163-3

В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных исследователей, прозвучавшие на V Культурологических чтениях по истории русской эмиграции XX века, посвященных двум ветвям разделенной русской культуры. Книга включает следующие разделы: «Опыт разделения, с переключкой...», ««Контурные карты» русской эмиграции», «Наследие русской эмиграции: современные исследовательские практики», «Архивные материалы и публикации».

Книга адресована историкам, филологам, культурологам и всем, интересующимся данной проблематикой.

УДК 821.054.7(063)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6я431(0)

*«Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Вещает его известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой»¹. В истории моей семьи локус «скрещения судеб», пересечения биографии и географии – севастопольский дом деда, военно-морского врача **Евгения Петровича Голубинова** (1880, Вильна – 1937, Дальлаг)² – ул. Адмиральская, 5. До покупки дома – проект, намерение. Потом место приложения сил, средств, любви. В 1920-е – последнее ускользающее прибежище. И, наконец, утрата, фантомная боль.*

Понять историю помогают записи деда³, где тот объясняет свое «тяготение к земле»: *«Дальние мои предки были помещиками, и желание иметь хоть небольшой клочок земли и хозяйство всегда жили во мне»*. Внук помещика слободы Калач Воронежской губернии, участника Бородинской битвы, штабс-капитана Нежинского конно-егерского полка, дворянина **Александра Алексеевича Голубинова** (1793–1849), Евгений Петрович Голубинов получил назначение в Севастополь в 1906-м и долго не имел своего жилья. Выпускник Военно-медицинской академии (ВМА) 1904 г., он был судовым врачом Балтийского и Черноморского флота. Доктор медицины, ст. врач Черноморского резервного дивизиона миноносцев, флагманский врач штаба Начальника Минной бригады, и.о. санитатора флота, ст. ординатор Севастопольского морского госпиталя. Статский советник. Кавалер орденов Св. Анны 3-й и 2-й ст. и Св. Станислава 2-й ст. – *«за отличие в делах против неприятеля»⁴*.

Жена Евгения Петровича с 1906 г., **Ксения Николаевна** (1883, Харьков – 1946, Саратов), родилась в семье доктора медицины, приват-доцента и лектора курса гистологии и эмбрио-

Дом Голубиновых на ул. Адмиральской, 5. Фасад 1913 года

логии Харьковского университета **Николая Константиновича Кульчицкого**⁵ (1856, Кронштадт – 1925, Лондон) и его жены **Евгении Васильевны**, урожд. **Самойловой** (1862–1932, Лондон). Ксения, намного старше сестры Марии и братьев, Александра и Дмитрия, была ответственна за их воспитание. В Харькове Кульчицкие жили на Рымарской, 4. Доля от продажи их дома при переезде в 1910 г. в Казань, куда проф. Н.К. Кульчицкий, вышедший в отставку с поста зав. кафедрой описательной анатомии Харьковского университета, был назначен попечителем Казанского учебного округа, позволила Голубиновым купить в 1912 г. собственный дом в Севастополе. Ксения Николаевна получила образование в Брюссельской высшей коммерческой школе, что пригодилась, когда она, став домовладелицей, занялась хозяйством и защитой имущественных прав. И в гражданскую войну, когда сводила концы с концами и кормила гостей-переселенцев. И позже, когда работала счетоводом.

Семья Голубиновых включала детей, **Наталью** – Талю (1907, Севастополь – 1921, там же) и **Владимира** – Додю, отца автора статьи (1912, Севастополь – 1968, Саратов), и неработающую тетю Ксении Николаевны, **Антонину Васильевну Самойлову**. Во время войны прибавилась «бабушка» **Мария Павловна Володкина** (?–1917). «В каком родстве по отношению к нашей семье она состояла, сказать затрудняюсь, – писал Евгений Петрович. – Тетка матери жены». В доме жили: бонна дочери **Наталья Ивановна Полякова**, няня сына – старообрядка, «дворник, на обязанности которого лежала топка печей», мать дворника, кухарка Варя и горничная. «Дети росли в холе, воспитывались разумно и не оставляли же-

лать лучшего». В 1916 г. к посещению города императором **Николаем II** в Морском собрании был подготовлен детский балет «Цветы маленькой Иды». «Были приглашены в качестве исполнителей дети, чьи родители состояли членами Морского Собрания. Дети младшего возраста, даже совсем малыши... Додя совсем еще крошечный был одет в костюм цветка колокольчика и участвовал в хороводе цветов. А Талья танцевала вчетвером с девочками ее возраста. Участников было очень много, а балет был поставлен опытной рукой прекрасно» – бывшей балериной Кедриной. Наверяд ли папа в 4 года запомнил царя, но «важен не результат, а участие».

Николай Константинович и Евгения Васильевна Кульчицкие (1910-е)

От хозяев дома – к соседям: «Есть пословица – купили дом, купили и соседа. Добрососедские отношения не замедлили сказаться». Домовладение, приобретенное у «жены подполковника» **Анастасии Елисеевны Кожевниковой**, представлявшей интересы дочери и собственницы участка **Надежды Петровны Семибратовой**, «жены инженер-технолога», по первому браку Поповой, граничило с выходящим на параллельную ул. Чесменскую участком генерал-майора **Владимира Николаевича Попова** (1865–1947)⁶, зав. механической частью Адмиралтейства (затем – генерал-лейтенант, гл. инженер-механик флота и Севастопольского порта вплоть до эвакуации из Крыма, ст. инженер-механик на линейных кораблях «Генерал Алексеев» и «Георгий Победоносец» Русской эскадры в Бизерте). До развода соседей это был общий участок земли, в 1899 г. разделенный надвое. Окончательное размежевание с Поповым произошло после разбирательства у мирового судьи. «Дворовое место» Голубиновых (жилой дом и флигель)

Мария Николаевна Кульчицкая – сестра милосердия
(из двух сестер – справа), 1914–1916 гг.

составило 61,38 кв. сажен (ок. 282 кв. м). Сейчас на месте обоих участков асфальт – ведомственный огороженный двор.

Совсем другие отношения сложились с соседом, жившим на Адмиральской, 19, **Владимиром Ивановичем Палимпсестовым** (1865– ?), капитаном I ранга и инженером-механиком, зав. механизмами миноносцев Черноморского резервного дивизиона. *«Владимир Иванович с начала нашего знакомства, да и впоследствии больше, стал уделять внимание нашей семье. Редкий день, чтобы он, либо я, не бывали друг у друга и не делились своими радостями и горестями жизни и обсуждали совместно возникавшие в то время у нас вопросы. Потребность друг в друге постепенно возрастала. Не мало и вина, которое развязывает язык, было выпито со времени нашего знакомства и службы»*. Палимпсестов – участник эвакуации в Бизерту, в 1922 г. в лагере Сен-Жан, в 1923-м – на линейном корабле «Георгий Победоносец»⁷.

Особое внимание в воспоминаниях деда уделяется «одному из членов нашей семьи... – «великолепному Джону» – Ивану Павловичу Полуэктову... Про «Джона» мы говорили, что он в воде не тонет, в огне не горит. Всегда жизнерадостный, возвращавшийся, где весело, но нет куте-

жей, он приходил в нашу тихую семейную обстановку с рассказами о царившем в Севастополе веселье и вносил в нашу жизнь своим приходом интерес к жизни за стенами нашего дома. Всегда у него были свежие новости. Поиграет на рояле и исчезнет на какое-то назначенное ему свидание с барышней. У родных моей жены он рос на глазах с детства в Харькове, и был он у нас всегда желанным в доме. Прибавлением к нему была его мама Александра Александровна, которая появилась с переводом сына на службу в Севастополь. Время от времени она сюда наезжала и подолгу проживала... Жена... состояла с ней в каком-то родстве и свойстве, т.е. всегда радовалась ее здесь пребыванию». Лейтенант флота, инженер-механик, талантливый проектировщик и чертежник, **Иван Полуэктов** (Jean Paul Polouektoff; 1894–1972) помогал (как и Палимпсестов) Голубиновым в разработке проектов переустройства дома. С 1921 г. Полуэктов в Париже, член Союза ревнителей памяти Николая II, зав. тех. частью автошколы Marbeuf, соавтор справочника «Русские во Франции» (1937), автор «Катехизиса автомобилиста», книги «La commence la guerre» («Я начинаю борьбу», 1946), патентов Франции и США. Участник французского Сопротивления. Жена – **Раиса Николаевна** (Добровольская; 1897–1984), певица, общественный деятель. Похоронены в Сент-Женевьев-де-Буа⁸.

В заграничном плавании (1912) Евгений Петрович подружился с участником Русско-японской войны ст. офицером канонерской лодки «Донец», капитаном I ранга **Георгием Федоровичем Гильдебрантом** (1882–1943), после 1917 г. – и.о. начальника 5-го дивизиона Черноморской минной бригады. В составе Русской эскадры в Бизерте Гильдебрант – командир посыльного судна «Якут», позднее – при штабе командующего⁹. От первого брака его жены у них было двое детей, Ляля и Леша Земницкие, дружившие с детьми Голубиновых. Ляля умерла юной в 1917 г. от скарлатины. Голубиновы дружили с Гардинскими, Черкасовыми, семейством Остелецких, где было четверо детей. Участник Русско-японской войны и обороны Порт-Артура **Павел Павлович Остелецкий** (1860–1946) – капитан II ранга и ст. офицер на линейном корабле «Синоп», где Голубинов был врачом (1913). Флаг-капитан по распорядительной части штаба командующего Черноморским флотом, Остелецкий едва избежал расстрела во время красного террора в Крыму в январе-марте 1918 г. Капитан I ранга, затем контр-адмирал, командир отряда кораблей Черноморского флота. Командовал десан-

Александр Николаевич
Кульчицкий –
студент Петроградского
университета

том по захвату Одессы (1919) и 1-м отрядом кораблей Черноморского флота при уходе Русской эскадры из Крыма и на переходе из Константинополя. Активный член Военно-морского союза в Париже. Другом семьи были князь, контр-адмирал, участник Русско-японской войны **Владимир Владимирович Трубецкой** (1868–1931), один из выдающихся командиров Первой мировой войны, начальник Минной бригады Черноморского флота. Когда он, капитаном I ранга, в 1915–1916 гг. командовал 1-м дивизионом эскадренных миноносцев Минной бригады, под его началом служил врачом Евгений Петрович. Отношения начальника и подчиненного сменились дружбой, а жены Трубец-

кого и Голубинова были подругами детства по харьковской гимназии. Голубиновы бывали у Трубецких в имении Случайное близ Севастополя. «У Трубецкой от первого брака был мальчик, по возрасту оказавшийся подходящим к нашей компании детей, и группа детей увеличилась на одного члена». Так «получилась целая группа знакомых между собой по возрасту и воспитанию подходящих детей, встречавшихся друг у друга и проводивших время в играх и веселье совместно». На елку ежегодно собиралась компания детворы до 25 человек, так что в канун Рождества подарки детям Голубиновы выписывали из Петрограда, куда к тому времени из Казани был переведен проф. Кульчицкий, ставший тайным советником, попечителем Петроградского уч. округа, сенатором, а в канун 1917 года – министром народного просвещения. Привозил подарки проводник курьерского поезда.

«Почти 1½ года войны» Е.П. Голубинов «провел беспрерывно на миноносцах в море»; большинство дружеских связей установилось именно со строевыми офицерами – «соплавателями». С медицинским начальством – санинспектором, затем гл. доктором Севастопольского морского госпиталя **Эдуардом Эмильевичем Киббером** (1845–1918), тайным советником, доктором медицины, председателем Общества морских врачей, «врачом безусловно талантливый и с крупными знаниями», отношения были «всегда кор-

ректными», но не выходили за рамки службы. Дружбу Голубиновы поддерживали с его женой **Ольгой Николаевной Киббер**. Судьба Э.Э. Киббера трагична. В Ялте 72-летний врач был расстрелян, со второй попытки, матросами эскадренного миноносца «Гаджибей»¹⁰.

Евгений Петрович коротко познакомился с командующим флотом вице-адмиралом **Александром Васильевичем Колчаком** (1874–1920): «...Молодой адмирал с Георгием, полученным в эту войну за операции в Балтийском море, привез с собой своего начальника штаба Смирнова¹¹, моего товарища по первым классам гимназии и быстро начал наводить свои порядки. Не успел он выйти из поезда, как вместо того, чтобы принять дела штаба на «Георгии», сейчас же вышел в море, где во время производившейся им военной операции сменил не выполнившего операцию начальника дивизиона миноносцев и тут же в море, пересадив его с миноносца на флагманский корабль. По прибытии в Севастополь он списал этого начальника в наличие Черноморского флотского экипажа, что являлось для него даже оскорбительным. «Новая метла метет поначалу здорово», говорили про Колчака. Грозный Адмирал по службе, в частном быту оказывался обаятельным человеком... С Колчаком мне пришлось познакомиться несколько ближе, когда я лечил его сына и супругу. Кроме того он нередко бывал у нас в Штабе на Минной бригаде. Личностью он был заметной и не удивительно, что он потом играл роль в ходе русской революции. С новым Командующим Флотом кроме отдаленных служебных отношений, благодаря лечению членов семьи, которые болели достаточно часто, у меня установились отношения частного характера».

Сблизились Голубиновы с семьей в ту пору капитана I ранга, флаг-капитана транспортной флотилии Черноморского флота, грека **Эммануила Сальвадоровича Моласа** (1875–1918), командующего эскадренным миноносцем «Дерзкий», строившимся линкором «Император Александр III», линкором «Пантелеймон». «Молас представлял из себя редкое сочетание офицера старой школы, которое допускало в служебных отношениях брань и даже рукоприкладство с высоким военно-морским образованием и высокими душевными качествами. Он имел Георгиевский крест, полученный в японскую войну за тушение пожара на крейсере «Россия» в бомбовом погребе, при том же будучи тогда контуженным. Контузия превращала его временно в совершенно больного человека из богатыря, каким он был... В эту войну, как он ни стремился плавать командиром, сердечные припадки,

от которых он впоследствии и умер в Румынии, не позволяли ему быть всегда активным в боевых действиях, и он перешел на штабную деятельность... Молас стремился к нашему сближению семьями, всегда подчеркивая тем или иным способом внимание к нам. Жену свою, которую он боготворил, он отпускал без себя только к нам, больше при его жизни она самостоятельно нигде не бывала. Насколько он по службе бывал строг и ругатель, настолько в частном быту это был джентльмен в полном смысле слова, и в знакомствах был крайне щепетилен».

По назначении флагманским врачом штаба Начальника Минной бригады Е.П. Голубинову пришлось «заниматься отчетностью и прочими канцелярскими служебными делами», дома «посвящая ежемесячно этому занятию от 3-х до 6-ти вечеров до глубокой ночи включительно». *«В результате отношения к своим подчиненным коллегам, они относились ко мне хорошо... и считали приятным бывать у меня в доме... на Адмиральской. В кабинете затопливался камин, варился кофе, глинтвейн, и дружеские беседы тянулись глубоко за полночь. Часто кто-нибудь из них, чаще д-р Миллер, оставался и ночевать у меня в кабинете на диване. Если кому из них удавалось раздобыть доброго вина, оно приносилось ко мне и распивалось у меня в кабинете... Чаще других у меня бывали сослуживцы по бригаде доктора: Миллер, Воробьев и Семковский»¹². Собирались они обыкновенно вечером вместе посидеть, поболтать и заниматься пересудами. Они охотно бывали у нас, интересовались нашими детишками... Управляя я своей частью мягко, но требования к службе выставлял определенно и полагаю, что был на месте, т.к. злобы впоследствии со стороны лишь мне когда-то подчиненных, либо так или иначе до меня касавшихся, не испытал».*

Приезжали на Адмиральскую друзья семьи – профессора Харьковского университета. Физиолог **Александр Михайлович Черевков** (1860–1926), у которого на Дону были родники и виноградники, возделывал вина. *«Вкус их вспоминаю с удовольствием»*, – пишет дед. В эмиграции Черевков – преподаватель Донского кадетского корпуса в Египте, профессор биохимии Софийского университета¹³. *«Ежегодно приезжали профессора Оболенский и Анфимов с супругами из Харькова, останавливавшиеся в гостинице “Кист”».* **Иван Николаевич Оболенский** (1841–1920) – заслуж. ординар. профессор кафедры терапевтической факультетской клиники. Его жена Дарья Диевна, основательница и председательница Попечительского совета Харьковской частной женской гимназии. **Яков Афанасьевич Анфимов** (1852–1930) – невропатолог, пси-

хиатр, соучредитель Харьковского отдела Русского Собрания (куда входил и Н.К. Кульчицкий), после революции – зав. кафедрой нервных болезней медицинского факультета Грузинского госуниверситета¹⁴. Его сын, психиатр, профессор, зав. нервным отделением и ст. ассистент клиники душевных и нервных болезней ВМА, ординатор Харьковской психиатрической клиники и лечащий врач В. Хлебникова (1919), зав. кафедрой психоневрологии Кубанского госуниверситета, **Владимир Яковлевич Анфимов**¹⁵ (1879–1957) был однокурсником Е.П. Голубинова по ВМА. Профессор филологии **Алексей Николаевич Деревницкий** (1859–1943), доктор греческой словесности, затем декан и ректор Новороссийского (Одесского) университета, попечитель Казанского, затем Киевского уч. округов, один из основателей Саратовского университета; после революции декан историко-филологического факультета Таврического университета в Крыму. Часто приходил художник **Юрий Ипполитович Шпажинский** (1874–1939), сын драматурга, основатель Севастопольской ассоциации художников, преподаватель живописи, одним из первых в мире, одновременно с английскими вортицистами, занимавшийся камуфляжной окраской боевых кораблей Черноморского флота¹⁶.

Бывала родня. Тетя Евгения Петровича – учительница **Мария Викторовна Шелепина** из Вильны, крестная мать Владимира – **Надежда Гавриловна Галич** с мужем, **Кульчицкие** и их родственники¹⁷. Брат и сестра Евгения Петровича. Из Северной Персии, на пару с секретарем, – русский дипломат **Сергей Петрович Голубинов**¹⁸ (1879, Вильна – 1951, Нанси), член Общества русских ориенталистов, консул в Рио-де-Жанейро, вице-консул и консул в Урмии. В эмиграции в Германии (1920-е) и Франции. Из Санкт-Петербурга – воспитанница Смольного института благородных девиц, выпускница Женского медицинского института, врач **Александро-Мариинской больницы**, после революции – школьный врач, **Нина Петровна Голубинова**¹⁹ (1873, Вильна – март 1942, Ленинград). *«Все... знакомые по Харькову и другим городам проездом на Кавказ, либо на южный берег Крыма попадали к нам на Адмиральскую. Благодаря этому мы не теряли с ними связи, и не чувствовалось, что мы живем на окраине. Казалось, что мы достигли некоторого благополучия и что жизнь в будущем будет протекать еще более благоприятно».*

Благоприятная жизнь продолжалась до Первой мировой войны, но вскоре Голубиновы пережили все испытания военного времени: нападение на Севастополь немецко-турецкого линкора «Гебен», взрыв дредноута «Императрица Мария» и др. Жизнь в доме переменилась, порой от оружейной стрельбы «дрожали стекла в доме», но, несмотря на войну, быт был обустроенным, во всяком случае до начала революции. «В доме не было ни одного грязного угла и не было никакого беспорядка, куда бы нельзя было повести гостя, либо случайного посетителя... Жизнь в доме была полной. Материальная сторона нашей жизни была налажена. Родня чувствовала себя в Петрограде не хуже нас. Все нам улыбалось. 10-го февраля 1917 г. дома затевался детский спектакль и вечер. 19-го февраля справлялись, как и в прежние годы, мои именины, а 27-го февраля случилось то, что в истории носит название революции и что предоставило право всякому вторгаться в нашу жизнь и обсуждать, так ли мы жили, как нам надлежало, и что подчинило нашу жизнь новым создавшимся условиям жизни в России, – вспоминал Евгений Петрович. – ... Чего за это пятилетие пришлось переиспытать, видеть, чувствовать, переоценить! Много воды утекло, многих людей, о которых я упоминал, нет в живых, многие поразъехались, и где они теперь, что с ними, одному Богу известно. За эти пять лет сами мы и наша жизнь резко переменилась. Дом наш стоит на месте. Но это не тот дом, что некогда блистал чистотой и славился своим гостеприимством. Стоит он каким-то обшарпанным, облупленным. Живем мы в нижнем этаже, живем среди чужих, но все же милых нам людей, а в нашей бывшей наверху квартире царит холод, грязь и засилье. Кругом дома лает и бросается на прохожих все тот же Полкан, только худой и шалый от голода. Пять лет немалый срок при такой окаянной, если так можно выразиться, жизни. Жизнь нас переломала, несколько изнурила. Серость в жизни наложила на нас свою печать, но все же жизнь есть, и иногда прорывается, и бьет ключом. Дети служат нашим утешением. О будущем лучше не думать, ибо оно страшно. Живем настоящим, поскольку оно у нас есть. Настроение наше сменялось радостями, которыми опутывала окружающая нас жизнь. Над нами витала сама смерть, которую обычно рисуют в виде скелета с косою в руках, но мы ее не замечали, и пришла она к нам в дом с той стороны, с которой мы меньше всего могли ее ожидать... Как сейчас помню мой разговор на улице с лейтенантом Пышиновым. Встретились мы вечером на Б. Морской улице. Разговор наш происходил во время войны и перешел на тему злободневную – отсутствие освещения на улицах. Я задал

ему вопрос, когда же будет свет на улицах. Он мне ответил пророческой для себя фразой: для одних он может быть, а для других нет. После этого разговора мне с ним встречаться не приходилось, он уличного света не увидел и пал жертвой Революционного времени».

В конце 1918 г. за три недели добрались в дом на Адмиральской родители Ксении Николаевны. Вскоре они вместе с дочерьми и внуками выехали временно на Мальту²⁰. Поэтому, когда их младший сын, кадет 2-го Офицерского конного генерала Дроздовского полка, **Димитрий Николаевич Кульчицкий** (1898, Харьков – 1985, Лондон), после боевого крещения в августе 1919 г. прибыл в Севастополь в отпуск, он никого не застал в доме сестры. Перед этим Митя приезжал в Севастополь в 1916 г. – после окончания с золотой медалью петроградской 1-й классической гимназии и перед поступлением в Императорское Училище Правоведения. Во время революции покинул столицу и, отучившись год в Одесском артиллерийском училище, записался в Добровольческую армию. Из Севастополя возвратился в строй, стал корнетом и, заболев тифом, прибыл в Польшу – в «спасительный лагерь для интернированных» неподалеку от Кракова. Выздоровев, отправился на фронт добровольцем, после заключения мира между Польшей и Советской Россией был интернирован вновь. Принимал участие в армейских группах музыки и танца в Польше, Германии и Чехии. Отыскал родителей в Лондоне в 1923 г. Окончил Римский университет юристом, учился балету, стал преподавателем танца и, как Dimitri Rostoff (Rostov), танцором русского балета в эмиграции²¹. В 1940–1970 гг. – в Лиме, где основал школу перуанского балета, кавалер Ордена Командора Перу.

Димитрий Николаевич
Кульчицкий. Одесса, 1918

Ксения Николаевна (сидит на переднем плане),
Евгений Петрович (стоит) Голубиновы с сыном Владимиром
и Ольгой Карповой, дочерью корабельного инженера В.Е. Карпова.
Фото начала 20-х годов

С братом Шурой Димитрий простился в 1917-м на вокзале в Петрограде. Шура – **Александр Николаевич Кульчицкий** (1894, Харьков – 1970, Москва), «которому пребывание в Севастополе всегда нравилось, и куда он стремился всей душой», обычно проводил у Голубиновых лето. Ксения Николаевна с детьми уезжали на дачу в село Кочеток под Харьковом, и для Евгения Петровича Шура «являлся незаменимым компаньоном в отсутствие семьи».

У них было «много общего, чем обоюдно интересовались», и Александр, студент Петроградского университета, помогал в различных «домовых предприятиях», что называлось «собирались Шурке на общественные работы». В 1919 г. Александр Кульчицкий – младший чиновник (шифровальщик)²² Министерства иностранных дел Российского (Омского) правительства адмирала Колчака. 17 января 1920 г. – среди 112 лиц, арестованных ЧК в поездах А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева (1885–1920) и препровожденных в Иркутскую губернскую тюрьму²³. Освободившись и выучившись в Архангельске на экономиста, Александр уехал в Псков и Москву. Во время Великой Отечественной войны – в ополчении. Был одновременно братом одной бабушки автора и третьим мужем другой, по линии матери. **Мария** (Муся) **Николаевна Кульчицкая** (1896, Харьков – 1972, Лондон), во время Первой мировой – сестра милосердия, в 1919 г. уехала из Мальты в Лондон, где работала в эмигрантских благотворительных фондах и вышла замуж за бывшего капитана Русской армии **Григория Михайловича Чудакова**, сына сотрудника Русского правительственного комитета в Лондоне.

В ноябре 1920-го Н.К. Кульчицкий с женой эвакуировались из Севастополя в Бизерту. 64-летний профессор был принят рабочим мастерских транспортного судна «Кронштадт», благодаря Полуэктову и Палимпсестову, при эвакуации состоявшим на «Кронштадте» помощником начальника и подручным-слесарем. В 1921 г. исследователь нервной системы Графтон Эллиот Смит (1871–1937) пригласил Кульчицкого на работу ассистентом лаборатории нового факультета анатомии Университетского колледжа Лондона (UCL). Николай Константинович окунулся в знакомую академическую среду, вернулся после 11-летнего перерыва к научной работе, обрел любовь и уважение сотрудников. Провел новые блестящие анатомические исследования, опубликовал две статьи. Третья осталась неоконченной. 29 января 1925 года, в свою 69-й годовщину, Н.К. Кульчицкий упал в шахту лифта в здании факультета и погиб.

Осенью 1919 года из Персии в Севастополь прибыл племянник Евгения Петровича – Лодя, **Всеволод Сергеевич Голубинов** (Serge Golon, 1903, Бухара – 1972, Квебек). 16-летний подросток один, с приключениями и риском, добрался до дома Голубиновых, где, по словам Всеволода, тогда квартировалась Французская военная миссия, прожил на Адмиральской год и учился в

Константиновском реальном училище на соседней улице. Он навсегда запомнил торговлю на «черном» рынке, холодную зиму, неотопливаемый дом, отсутствие мяса на протяжении года и «почти настоящий голод» осени 1920-го, когда Лодя покинул Крым, отправившись в Константинополь, а оттуда учеником механика на судне «Святой Николай» в Марсель. Всеволод стал геологом и писателем, соавтором книг об Анжелике – Маркизе ангелов, похоронен в Иерусалиме.

Три поколения семьи, словно герои булгаковского романа, в последние месяцы гражданской войны оказались в доме врача, в силу обстоятельств оставшегося в городе ожидать прихода Красной Армии. Этот дом 1920 года стал для героев рассказа точкой невозврата, где их пути разошлись, а жизнь кардинально изменилась. Здесь, в Севастополе, буквально утрачивая почву под ногами, они достигли «экзистенциального укоренения»²⁴, осознали себя «внутри истории», «впервые увидели, что и у них есть биография, и история их жизни, и потерянное счастье, о котором раньше они только читали в книгах»²⁵, и потеряли друг друга.

В ноябре 1920-го Евгений Петрович Голубинов, сам перенеся тиф, остался в Севастополе со своими нетранспортабельными больными и ранеными²⁶. Крым стал Советским, ул. Адмиральская – Красноармейской (потом им. Фрунзе). Дед демобилизовался. Преподавал на рабфаке Народного университета. Читал лекции по гигиене, работал в поликлинике, в Институте физических методов лечения... Летом 1921-го, в неполные 14 лет, от дифтерита умерла дочь Евгения Петровича Таля, «главный двигатель» жизни семьи. Вслед за ее смертью начал «рушиться» и дом, символ твердой, устойчивой жизни. «...Все, что было созданного за жизнь, вдруг рухнуло в какую-то пропасть и на обломках рухнувшего и краю пропасти, куда оно рухнуло, приходится строить новое здание из тех же обломков рухнувшего. Неприятно – жутко!» Бывшим хозяевам в доме выделили квартиру, потом часть ее комнат признали лишними. Голубиновы отдали отчуждаемую площадь друзьям: вдове корабельного инженера подполковника **Виктора Евгеньевича Карпова** (1877, Гатчина – 1920, Краснодар), **Марии Григорьевне Раевской** (1883–1943, Буй) и ее старшей дочери Ольге Карповой. Младший брат Ольги, Игорь Карпов (1911–1921), умер в те же дни, что и Наталья Голубинова. **Ольга Викторовна (Карпова) Милорадович** (1907, Николаев – 1996, Са-

ратов)²⁷ – бабушка автора по линии матери, стала археологом, работала в Архангельском краеведческом музее, Эрмитаже, Историческом музее, Институте археологии АН СССР.

В 1929 г. Голубиновым, «как бывшим домовладельцем», пришлось переехать в две комнаты на Пролетарской, 15, кв. 3. Вскоре Евгений Петрович и Ксения Николаевна были арестованы и в 1931-м осуждены по 58-й статье УК РСФСР: первый – «к 10 годам концлагерей, как член контрреволюционной организации в Крыму»²⁸, вторая – к ссылке в Казахстан на 2 года.

После 3 лет в Кызыл-орде Ксения Николаевна нашла заключенного мужа (фельдшера в Лагере особого назначения ОГПУ по Дальневосточному краю) в окрестностях реки Бира и прослужила рядом вольнонаемным счетоводом-кассиром до сентября 1937-го, когда поехала в Саратов на встречу с сыном. Тот, став чертежником, работал в проектных организациях Севастополя, после осуждения родителей оставил Крым, жил в Архангельске до 1937 г., переехал в Саратов, работал архитектором-конструктором, преподавал в Автодорожном (Политехническом) институте, возглавил кафедру архитектуры, защитил диссертацию, вступил в Союз архитекторов СССР, умер в 1968-м²⁹. Евгений Петрович Голубинов погиб в лагере 8 октября 1937 г.³⁰ Ксения Николаевна умерла в 1946-м и похоронена там же, где ее сын и прах брата, А.Н. Кулчицкого. В 1958-м Голубиновы реабилитированы посмертно «за отсутствием состава преступления»³¹.

Евгений Петрович Голубинов
в заключении,
Дальлаг, не позднее 1937 г.

¹ Вайль П. Гений места. М.: Корпус, 2010. – 448 с.

² Голубинов В.В. Благородство имени и судьбы. Евгений Петрович Голубинов (1880–1937) // Вестник морского врача (Севастополь). 2008. № 5 (5). С. 190–194.

³ Здесь и далее, если источник не указан особо: *Голубинов Е.П.* Воспоминания [Севастополь, 1920-е гг. Рукопись, 363 с.] // Домашний архив Голубиновых.

⁴ Полный послужной список Старшего Врача Черноморского флотского экипажа Статского Советника Евгения Петровича Голубинова. Составлен 27 октября 1916 года (с дополнениями вплоть до 1920 г.). Копия // Домашний архив Голубиновых.

⁵ *Голубинов В.В.* Николай Константинович Кульчицкий (1856–1925): революция и эмиграция в зеркале семейной хроники // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, М., 2013. С. 19–66; *Он же.* Казус Кульчицкого: материалы к биографии профессора Н.К. Кульчицкого (1856–1925) // Саратовский медицинский журнал. 2009. Т. 5. № 3. С. 454–467; *Drozdov I., Modlin I., Kidd M., Goloubinov V.* From Leningrad to London: The Saga of Kulchitsky and the Legacy of the Enterochromaffin Cell // *Neuroendocrinology*. 2009. Vol. 89. № 1. P. 109–120; *Drozdov I., Modlin I., Kidd M., Goloubinov V.* Nikolai Konstantinovich Kulchitsky (1856–1925) // *Journal of Medical Biography*. 2009. Vol. 17. P. 47–54; *Васильев К.К., Павлычева С.В.* Гистолог профессор Н.К. Кульчицкий (1856–1925) // *Морфология*. 2004. Т. 125. № 1. С. 91–92; *Васильев К.К.* Николай Константинович Кульчицкий // Российское научное зарубежье: Мат-лы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 1. Медицинские науки. XIX – первая половина XX в. М., 2010. С. 125–127.

⁶ *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога. М., 2004. – 560 с.

⁷ *Волков С.В.* Указ. соч.

⁸ Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 482–483.

⁹ *Бензема фон Г.А.* Георгиевские награды флоту // *Морские записки*. 1944. Т. 2. № 4. С. 273–281. Дополнения к спискам Георгиевских кавалеров флота // *Морские записки*. 1947. № 2 и др.

¹⁰ *Чикин А.М.* Севастопольская Голгофа – Севастополь, 2005. Цит. по <http://www.prichal145.com/ricle.php?id=380>

¹¹ *Михаил Иванович Смирнов* (1880–1939, 1940 или 1943, Лондон) – одноклассник Евгения Петровича по Ларинской гимназии, флаг-капитан по оперативной части Штаба Черноморского флота, затем начальник Штаба командующего Черноморским флотом, управляющий морским министерством правительства адмирала Колчака, контр-адмирал. В эмиграции в Германии, США, Франции, Англии.

¹² *Николай Федорович Миллер* (1887–1961) – коллежский ассессор, мл. врач Черноморского флотского экипажа, как и Евгений Петрович, служил на канонерской лодке «Донец», затем врачом 6-го дивизиона Минной бригады. Председатель комиссии врачей Новороссийского военного порта, делопроизводитель Управления санитарной части флота, он входил в состав русской эскадры в Бизерте. *Борис Иванович Воробьев* – коллежский ассессор, старший врач Черноморского флотского экипажа. *Владимир Семковский* – врач 6-го дивизиона Минной бригады, Блокшива № 9.

¹³ *Васильев К.К., Павлычева С.В.* Выпускник и профессор Харьковского университета Александр Михайлович Черевков (1860–1926) // Медицинское образование в классических университетах: история и современность: мат-лы Международной научно-практической конференции (Сумы, 16–17 мая, 2002 г.) / Сумы, 2002. С. 88–90; *Алманах на Софийския университет*. Т. 1. София, 1988. С. 668–669; *Энциклопедия България*. Т. 7. София, 1996. С. 421.

¹⁴ *Кавтарадзе П.П.* Жизнь и деятельность заслуженного профессора Я.А. Анфимова. Тбилиси, 1960.

¹⁵ *Петрюк П.Т., Петрюк О.П.* Профессор Владимир Яковлевич Анфимов – известный отечественный ученый, психиатр, невропатолог и бывший сабурянин (к 130-летию со дня рождения) // *Психічне здоров'я*. 2009. № 1. С. 66–72.

¹⁶ *Левитин И.Б.* Видимость и маскировка кораблей. М., 1949. С. 9–16.

¹⁷ *Петр Константинович Кульчицкий* – брат Н.К. Кульчицкого, генерал-майор в отставке, в 1920 г. арестован и осужден Казанской ГубЧК к заключению в концлагерь «до особого распоряжения», приговорен к лишению свободы, погиб в 1921 г. в заключении. Реабилитирован в 2002 г. Его двое сыновей: Борис (1895–?) и Глеб (1898–1920). *Глеб Петрович Кульчицкий* – командир катера «Сокол» водной милиции Красноярска, арестован по обвинению в службе Колчаку, приговорен Красноярской ГубЧК к расстрелу. Реабилитирован в 1998 г. Другой племянник проф. Кульчицкого, сын сестры Анны, *Константин Маркианович Алексеев* (Constantine M. Alexieff; 1885–1949) до Первой мировой – в 12-м Донском казачьем полку, во время войны – в составе 32-го, 51-го казачьих полков. За боевые отличия получил награды, включая Георгиевский крест. После второго ранения признан негодным к строевой службе и в 1915 г. эмигрировал в США, где работал инженером на военных заводах по изготовлению амуниции. Жил в собственном доме недалеко от Нью-Йорка, поддерживал финансово «Общеказачий журнал». Жена – Ольга Б. Алексеева (1894–1965).

¹⁸ *Голубинов В.В.* «Никогда не забуду Вашей легкой руки»: Коллега и корреспондент В.Ф. Минорского – Сергей Петрович Голубинов (1879–1951) // Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 8–9 октября 2013 г. СПб., 2013. С. 51–54.

¹⁹ Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга Памяти. Том 7. Цит. по http://www.vizs.nlr.ru/search/lists/blkd/227_369.html

²⁰ Списки и опросные листы русских эмигрантов, проживающих на Мальте // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 147. Л. 2а, 9.

²¹ *Голубинов В.* Хорош, красив и демоничен // *Балет*. 2011. № 6 (171). С. 44–45.

²² Индивидуальные дела младших чиновников шифровального отделения (1919) // ГАРФ. Ф. 260. Архивный № 2/25, ч. 1, л. 71, 78.

²³ Центральный архив ФСБ России. Д. № Н-501. Оп. 7. Л. 5.

²⁴ Цитирую К. Норберга-Шульца, одного из самых известных (наряду с упомянутым в начале П. Вайлем) интерпретаторов понятия «гений места», по статье: *Кияненко К.* О феномене, структуре и духе места у К. Норберга-Шульца // Вестник архитектуры. 2008. № 3 (102).

²⁵ *Газданов Г.* Вечер у Клэр: романы и рассказы. М.: Современник, 1990. С. 119.

²⁶ *Голубинов В.В.* Военный врач на холме беззакония: (Материалы к биографии Евгения Петровича Голубинова (1880–1937)) // Вестник морского врача (Севастополь). 2010. № 10. С. 178–190.

²⁷ *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Ольга Викторовна Милорадович // Археологический журнал. Т. II. Памяти П.Г. Акритиса, О.В. Милорадович и В.Л. Ростунова. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 2008. С. 140–143.

²⁸ Архив СНБ Украины. Главное управление в Крыму. Симферополь. Следственное дело в 6 т. Архивный № 010528. Т. 3. Л. 264–266, 272. Т. 4. Л. 427–430.

²⁹ *Голубинов В.В.* Додя. Рассказ об отце: К 100-летию со дня рождения архитектора В.Е. Голубинова // Тектоника плюс. Саратов, 2012. С. 121–129.

³⁰ Ответы СНБ Украинской ССР, Управление по Крымской АССР от 03.10.1991 г. и Информационного центра Управления внутренних дел исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета народных депутатов, МВД СССР от 04.01.1992 на запросы В.В. и Д.В. Голубиновых.

³¹ Архив СНБ Украины. Главное управление в Крыму. Симферополь. Следственное дело в 6 т. Т. 6. Справка по следственному делу. Архивный № 555133. Военная коллегия Верховного суда СССР. Протест в порядке надзора по делу Рукавишникова Д.Н. и других (всего 39 человек). Приложение № 06684 от 12 августа 1958 г. Определение Верховного суда СССР № 4н-2885/58 от 14 августа 1958 г.

Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры

*V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века
(Москва, 29–31 марта 2013 г.)*

Сборник докладов

Редактор *И.Ю. Белякова*
Корректор *М.М. Уразова*
Компьютерная верстка *Л.А. Фифсовой*

Подписано в печать 01.03.2015. Тираж 500 экз.

121069 Москва, Борисоглебский пер., д. 6

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14